

«Общественная позиция»
(проект «ДАТ» № 12 (37) от 23 декабря 2009 г.

СМЫСЛ ВОЛЬНЫХ СТРОК

ПЛЕТЕНЬЕ ЧЕПУХИ
(ТЕТРАДЬ ВОСЬМАЯ)

О нынешнем экономическом кризисе столько толков-разговоров, что я все чаще вспоминаю аул в военные и послевоенные годы. Вот это был кризис! Всем кризисам кризис!

Как учились в то время? Расскажу. Но речь не обо мне. У меня были родители. Я жил в деревянном доме – в комнатке при фельдшерско-акушерском пункте. Не особенно мерз. И не голодал. Родители заботились.

Средняя школа – единственная казахская по всей округе – находилась в нашем ауле. А выпускники начальных школ аулов Коктерек, Жана-жол, Жана-талап, Каратал, Алка-агаш, то есть мальчишки и девчонки 11–12 лет, устраивались квартирантами к кому-нибудь из наших аульчан и жили в одной обшарпанной, насквозь провонявшей и продымленной комнатухе вместе с хозяевами. В одном углу, ближе к закопченной печке, на кошме, на корпеше, под дырявым тулупом и овчинной шубой устраивались на ночлег хозяин со старухой, детьми и внуками, в другом, как правило, сыром, промерзлом углу на ветхой кошме и шкурках располагались вперемешку вечно голодные, как попало одетые, зашибленные и чесоточные шакирды. У каждого приезжего ученика был самодельный ларчик-сундучок, в котором он хранил потрепанные книжки, замусоленные тетрадки (большая редкость!), перо, огрызок карандаша и пузырек с чернилами (чернильницы-непроливайки были далеко не у всех). В отдельной нише сундучка хранился заветный недельный харч – пять пресных лепешек, испеченных в горячей золе, горсть иримчика, несколько комочков кислого курта, иногда топленое маслице в кесушке или бараньем желудке. Этим следовало строго-настрого довольствоваться с понедельника до субботы. Кипятком постояльцев обеспечивал хозяин.

После школьных занятий, устроившись в том же углу на заскорузлых шкурках, положив на колени сундучок, каждый готовил домашние задания. Один вслух читал по складам, другой бубнил историю или географию, третий решал задачи, четвертый из сажи делал чернила, пятый что-то выводил тупым карандашом, шестой отчаянно чесался, скреб бритую, изъязвленную паршой голову. Кто-то, растелешившись, бойко бил вшей.

Зимой в школе мерзли отчаянно. Стены покрывались инеем. Чернила превращались в лед. Пузырьки непроливайки отогревали за пазухой. На перья (№17 и 86) дули подолгу, дабы не леденели. Зима в Северном Казахстане длилась долго, нескончаемо. Снег выпадал в начале октября, а истаивал в оврагах в конце апреля. Свирепые бураны дули-свистели неделями.

Утренние уроки проходили при керосиновых лампах. Они едва освещали лишь первый ряд парт. На «камчатке» (в задних рядах) царили мрак и стынь. Керосин экономили. Потому первые уроки в сумраке отводили пению и физкультуре. В последние часы второй смены изучали-зубрили историю и ботанику, где не надо было писать. О дополнительных харчах речи не было. Аульская малышня завидовала интернатовцам. Тем давали в столовой гороховое пюре, перловую кашу на воде и что-то неопределенное из американского яичного порошка. Объедение!

У большинства моих сверстников-казахов не было отцов. Все полегли на германском фронте. Некоторые были вообще круглыми сиротами.

Все были равны в нищете. Но всех грела надежда, что скоро, очень скоро все изменится к лучшему. И я жил-рос в такой среде. Конечно, лучше, чище, сытней. Обо мне заботились родители, и я был почти счастливчик, хоть и спецпе – поселенец. И я жил в деревянном доме, покрытом дерном.

Как выжили люди того времени – поражаюсь. Как учились мои сверстники – ума не приложу. Как они выбились в люди – фантастика, героизм.

А теперь? Господи, о чем речь? Вспомнишь былое – не поверишь.

А тут заладили: кризис, кризис. Кризис в том, что люди испоганились, исподличались, и справедливости нет. Одни бесятся с жиру, другие скулят от обиды. Казахи говорят: біреу тойып секіреді, біреу тонып секіреді. Значит, кризис не столько экономический, сколько социальный. И вот этот социальный кризис одолеть будет труднее, чем экономический.

04.03.09

* * *

Дарья Донцова, извещают «Известия» (03.03.09), презентовала свой сотый (!) роман. Корреспондент спрашивает: «Сейчас вы работаете над сто первым?». «Что вы?! – восклицает не в меру писучая авторесса. – 112-й роман в типографии».

Что тут скажешь? Великий Толстой за свою долгую жизнь написал три романа. Пока еще невеликий мой друг Дукенбай за 40 лет неустанного труда выдал 8–9 романов. Дарья Донцова за несколько лет состряпала 112 романов и построила на гонорары трехэтажный особняк в Подмосковье.

Каково?! Десяток бойких женщин в России наводнили мир коммерческими романами. Донцова, случается, строчит в день по 60 страниц. Русским классикам такое и не снилось. Разве это не свидетельствует о деградации культуры? Ужасно все это!

* * *

Независимый журналист из области прислал мне пять вопросов на злобу дня. Серьезные вопросы. Я согласился было при случае ответить, но, вникнув в суть, отказался. Все вопросы сугубо «казахские», то есть касаются острых углов казахской ментальности.

А каково мое, российского немца, положение, вся жизнь которого связана с Казахстаном? Какой, собственно, мой статус?

Стану говорить о русских, русский скажет: «А кто ты такой, б... б... б..., чтобы меня учить?!» и запросто пошлет меня по известному русскому адресу.

Казах в роли адвоката меня еще потерпит. Но как прокурора и судью – ни-ни. В самом деле, с какой стати? Никто ведь меня не уполномочивал. Покойный Мукагали Макатаев, прочитав однажды мой какой-то рассказ, дружески попенял: «Ты хорошо знаешь казахов, но это вовсе не значит, что ты вправе оголять им задницы».

Вольно говорить мне позволено только о немцах, притом не вообще о германцах, а только о российских немцах, ибо родом – генетически и географически – я сам оттуда. И потому никто меня упрекнуть по этой части ни в чем не может.

С годами я все глубже понимаю простую истину: вообще лучше ни о ком не судить-рядить, никого не задевать. И получается по-казахски: «Не тронь меня, лупоглазый, и я тебя не трону». Или по-библейски: «Не судите, да не судимы будете».

А если честно, не моя это философия. Отец внушал мне с детства: «Человеку до всего есть дело». Так-то оно так! И все же о казахских изъянах пусть лучше Абай говорит. О немецких – Гете и Шиллер. А о национальных достоинствах, пожалуйста, говори, если в этом что-то кумекаешь. И то деликатно.